

УДК 1.34

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-13-22

ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ПРАВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Мусаелян Лева Асканазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Философия исторически выполняла функцию метатеории права. Господствующее в каждую эпоху миропонимание определяло правопонимание. Упразднение у нас в стране в начале 90-х гг. государственной идеологии и мировоззрения помимо общепризнанного положительного эффекта имело и некоторые негативные последствия. Возникло множество конкурирующих концепций права, исчезло единое правовое пространство, получило распространение селективное право, нарушающее фундаментальные принципы демократического общества — равенства граждан перед законом и справедливости. Идея учёных-юристов о создании единой интегративной теории правопонимания оказывается трудно-реализуемой в силу отсутствия признанного единого онтологического основания права. В статье обосновывается тезис о том, что человеческая сущность — субстанция права. Антропологические основания права являются условием разработки искомой интегративной теории и разрешения обозначенных проблем.

Ключевые слова: философия; право; идеология; демократия; справедливость; свобода; человек; теория права; правопонимание; правовое пространство; антропологические основания права.

ON ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF LAW: PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University

Philosophy has historically served as metatheory of law. The world view prevailed in every age has determined legal consciousness. Abolition of the state ideology in the early 1990s in Russia apart from the recognized positive effect had some negative implications. During this period it's possible to observe the following phenomena: origin of many competing theories of legal consciousness, disappearance of a single legal space, spreading of the selective right that violates the main principles of democracy: equality of citizens before the law and justice. The lawyers' idea of integrative theory of law turns out to be impractical because of the lack of a generally recognized basis of law. The author proves the thesis that human essence is the substance of law. Therefore anthropological basis of law is a foundation for the development of integrative theory and solution of the identified problems.

Key words: philosophy; law; ideology; democracy; justice; freedom; person; legal theory; legal consciousness; legal space; anthropological basis of law.

Право, как основополагающий компонент культуры, вбирает в себя её наиболее значимые достижения, развивается вместе с ней и в то же время способствует легитимации тех ценностей и принципов поведения людей, которые обеспечивают устойчивое функционирование и развитие общества. Философия, изучающая общество, не может игнорировать эту чрезвычайно важную область человеческой деятельности. Именно поэто-

му философское осмысление права имеет многовековую историю. И по мере развития человечества, усложнения общественной жизни интерес философии к правовой реальности постоянно возрастал. В свою очередь право связано с философией. Само понятие «право» своим существованием обязано философии. Оно изначально вырабатывалось философией наряду с такими понятиями, как «общество», «человек», «личность»,

«государство», «свобода», «справедливость» и т.д. [6, с. 140]. В своём развитии право всегда опиралось на философию, поскольку его базовые проблемы — свобода, справедливость, равенство, ответственность, законность и другие — являются в своей сущности философскими проблемами. Их разрешение уходит в область онтологии, антропологии, гносеологии, аксиологии и других философских дисциплин, которые в совокупности определяют структуру такой междисциплинарной науки, как философия права, выполняющей по отношению к теории государства и права, а через неё и к другим частным правовым наукам методологическую функцию.

О связи права и философии свидетельствует вся история цивилизации. В каждую новую историческую эпоху (Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время) возникало фактически новое правопонимание, обусловленное господствующим миропониманием. В недалёком прошлом, в советский период нашей истории, существующая в стране система права опиралась на марксистскую философию, которая официально признавалась в качестве господствующего мировоззрения. Общественные науки, в том числе и правовые дисциплины, вместе со своей методологической основой — философией выступали в роли господствующей идеологии. Отмеченная историческая традиция зависимости правопонимания от миропонимания в постсоветской России оказалась нарушенной. Согласно ст. 13 Конституции РФ в нашей стране отсутствуют официально признанные господствующие (государственное) мировоззрение и идеология. Установление мировоззренческого и идеологического плюрализма оценивается политиками и учёными как важнейшее завоевание молодой российской демократии, освободившейся от коммунистического тоталитаризма. Бесспорно, монополия государства на истину трудно совмещается с принципом демократии, тем более что от имени государства говорят конкретные люди и далеко не всегда лучшие умы общества. Но, с другой стороны, при официальном отрицании в обществе господствующих (государственных) идеологии и мировоззрения закономерно возникают, как минимум, два вопроса.

Во-первых, если в стране существует конституция и достаточно развитая правовая система, на которые опирается в своей деятельности государство, может ли в этом обществе отсутствовать государственная идеология? В классовом обществе право вне идеологии — нонсенс. Деидеологизированное право — это право, которое не от-

ражает ничьих интересов. Право, которое не выражает интересы определённых социальных групп (слоёв) населения, по определению не может выполнять свою основополагающую регулятивную функцию, ради которой оно и возникло. Можно, конечно, сказать, что право отражает интересы всего общества. В определённой степени это так, но лишь в определённой степени. Право, отражающее интересы всего населения, предполагает общество, где отсутствуют социально-экономическая и социально-политическая стратификация. В этом случае государство, если вспомнить Ф. Энгельса, перестаёт быть публичной властью, отчуждённой от народа. Власть подобного рода не нуждается в классическом институте права, поскольку сама, выражая волю самоуправляемого народа, не является политическим институтом. Понятно, что существующие российские реалии находятся в кричащем противоречии с такими предположениями. Впрочем, вопрос об отсутствии у нас в стране государственной идеологии — тема отдельного обстоятельного дискурса.

Во-вторых, что выступает в качестве метатеории и методологии современного российского права? Очевидно, что те ценности, тот социальный идеал (личности, общества), которые создаются и утверждаются через механизм права в немалой, если не в определяющей, степени зависят от метатеории права, от философско-мировоззренческих позиций правоведов, особенно тех, которые заняты теоретической деятельностью и законотворчеством. На какой философии базируется правовая политика власти? Или она исходит из декларируемого мировоззренческого плюрализма, существующего в обществе? Мировоззренческий плюрализм определяет плюрализм в области правовой теории и в конечном счёте правовой практики. Иначе говоря, разное миропонимание определяет разное правопонимание и правоприменение. И если подобное для разных социумов, представляющих различные исторические эпохи, можно считать нормальным явлением, то для одного и того же общества, не находящегося в состоянии межформационного сдвига, такая ситуация кажется немислимой. Тем не менее подобная сюрреалистическая правовая реальность сложилась в современной России. «Современная политико-правовая практика, — отмечает известный учёный-правовед В.М. Сырых, — служит эмпирическим обоснованием доброму десятку различных правовых теорий и школ» [28, т. 1, с. 318]. «У нас до сих пор нет единого правового пространства», — отмечает А.В. Малько [12,

с. 32]. Это и понятно: не может быть единого правового пространства при методологическом (и мировоззренческом) плюрализме в теории и практике права. Между тем единое правовое пространство есть основополагающее условие эффективного управления страной. Но дело не только в этом. Отсутствие единого правового пространства, его однородности и изотропности является условием существования селективного права в России. Последнее свидетельствует о том, что в нашей стране отсутствует равенство граждан перед законом. Конечно, можно согласиться с тем, что нарушение этого принципа происходит часто по причине коррумпированности некоторых работников правоохранительных и правоприменительных органов, правового нигилизма, обусловленного низким профессионализмом субъектов права. Однако, думается, что мировоззренческий и методологический плюрализм, определяющий плюрализм в сфере правоприменения, оказывается значимым фактором, порождающим указанные негативные явления. В этой связи представляется необходимым привести в качестве примера два резонансных уголовных дела из правовой практики последних лет, в которых рельефно проступают особенности российского правового пространства. Несколько лет назад три девицы с зияющими пробелами в детском воспитании перед объективами телекамер станцевали в православном храме. Несостоявшихся артисток арестовали. Два года шло следствие по этому «сложному» делу. Фигуранты выходки продолжали сидеть в тюрьме, в том числе та, у которой дома был маленький ребёнок. Наконец состоялся суд. Одну из обвиняемых отпустили, двоих отправили отбывать срок в колонии. Столь жёсткая реакция российской фемиды на девиантный проступок группы «Pussi rait», вероятно, можно объяснить тем, что она опиралась на теологическую концепцию правопонимания, согласно которой преступление против религии, от которой зависит жизнь вечная, является более тяжким грехом, чем преступление против государства.

А вот пример преступления против государства. Молодая высокопоставленная чиновница посредством мошеннических схем умыкнула у государства 3 млрд. руб. (первоначальная оценка нанесённого ущерба составляет 16 млрд. руб.). Несмотря на тяжесть преступления, суд отнёсся к мошеннице необъяснимо лояльно, ограничив ей свободу в период следствия домашним арестом, в то время как другие второстепенные фигуранты уголовного дела, через фирмы которых чиновница перепрода-

вала государственное имущество, были помещены в тюрьму. Три года, пока шло следствие, главный фигурант находилась под домашним арестом в своей тринадцатикомнатной квартире в центре Москвы в окружении слуг и персонального повара. Не обременённая стыдом и совестью, бывшая чиновница в течение этих трёх лет разъезжала по столице, посещала бутики, снимала клипы, устраивала вернисажи своих картин. На суде государственный обвинитель потребовал наказание подсудимой восемь лет условно(?!). Решение суда — пять лет колонии. Но вскоре экс-руководитель «Оборонсервиса», о которой говорила вся страна, была освобождена условно-досрочно, не отбыв наказания, кажется, и месяца. Заметим, непосредственный начальник мошенницы, без ведома которого, на наш взгляд, вряд ли его подчинённая могла проворачивать свои аферы, проходил на судебном процессе лишь в качестве свидетеля. Резонансное дело «Оборонсервиса», понятно, не добавило лавров ни чиновникам, ни тем более отечественной фемиде.

Приведённые примеры, число которых любой, кто следит за деятельностью правоохранительных и правоприменительных органов страны, может умножить, свидетельствует о том, что меч справедливого неотвратимого наказания за содеянные преступления нередко применяется избирательно. В этом одна из причин низкого доверия россиян к этим органам. Согласно европейским экспертным оценкам уровень доверия россиян к своей полиции и судебно-правовой системе один из самых низких в Европе [2, с. 20]. Исследования «Левада-центра» подтверждают эти оценки. Социологические измерения показывают, что к числу самых неуважаемых профессий помимо политиков (36 %) и чиновников (28 %) население страны также относит полицейских (29 %), судей (17 %), работников прокуратуры (16 %), т.е. всех тех, от деятельности которых зависит справедливость в обществе [5, с. 17].

Социальное пространство нашей страны имеет крайне неоднородный и напряжённый характер. Эта неоднородность существует как по вертикали, так и по горизонтали. Согласно международным оценкам десятикратная величина децильного коэффициента в обществе является критичной. В России, по данным Росстата, критичная разница в доходах превышена в более чем в 1,6 раз. По неофициальным экспертным оценкам разрыв между бедными и богатыми, при котором возникают предпосылки политической нестабильности, у нас в стране превзойдёт в 4–5 раз [30]. Согласно данным международной финансовой корпорации

Credit suisse group 110 российских миллиардеров контролируют 35 % всех активов в стране, в то время как 40 % россиян считают, что они живут за чертой бедности [23, с. 5]. Такого неравенства и такого низкого уровня жизни нет ни в одной стране со сравнимым показателем ВВП на душу населения. Если неравенство доходов определять по коэффициенту Джини, то и по этому измерителю Россия, наряду с США, является одной из самых несправедливых стран в мире [3, с. 77].

Особенностью современной России являются также огромные разрывы по уровню экономического развития между регионами. Это дало основание академику Д.С. Львову сделать вывод о том, что страны Евросоюза имеют больше оснований считать себя одной страной, нежели Россия [11, с. 8].

Единое право как признак государства помимо всего прочего выполняет интегративную функцию. Обеспечивая равенство граждан перед законом, отстаивая справедливость в обществе, право блокирует рост напряжённости в социально неоднородном пространстве и предотвращает возникновение разрывов в нём. Другими словами, однородное и изотропное правовое пространство в условиях критично неоднородного социального пространства является важным фактором сохранения целостности государства. Очевидно, что при отсутствии единого правопонимания и правоприменения, т.е. при фрагментированности правового пространства, право не в состоянии выполнять интегративную функцию. Более того, фрагментированное правовое пространство, его неоднородность и неизотропность усиливают напряжённость в социальном пространстве страны, создавая угрозы возникновения разрывов и территориальной фрагментации. В отсутствие идеологических и политических скрепов, объединяющих полиэтничное, поликонфессиональное население на огромной территории России, указанные вызовы не являются абстрактными. Они достаточно реальны, если учитывать ещё непубличную деятельность некоторых внешних сил, нацеленных на расчленение России. Таким образом, мировоззренческий (методологический) и идеологический плюрализм, считающийся крупным достижением постсоветской демократической России, способствовал формированию социальной реальности, не отвечающей фундаментальным принципам демократического общества — равенства всех перед законом и торжества справедливости. Указанное противоречие между демократическим выбором и антидемократическими последствиями не артикулируется и не за-

мечаются отечественными правоведами. Эйфория от обретённой мировоззренческой, идеологической свободы, похоже, препятствует обнаружению связи между сложившейся фрагментированной, неоднородной, неизотропной правовой реальностью и возникшими перед страной новыми политическими вызовами, о которых говорилось выше.

Склонность юристов к дискуссиям, спорам — давно известный факт. В этом они, кажется, превзошли даже философов. Отмечая указанную особенность правоведов, основоположник классической немецкой философии Кант иронично заметил, что «юристы всё ещё ищут определение права» [7, с. 138–139]. Сегодня, по истечении более двухсот лет, можно было бы немало удивить «кёнигсбергского отшельника» тем, что активные изыскания в этой области продолжают. Отсюда и состояние современной юридической науки, где, по существу, конкурируют несколько концепций права. Даже в определении одних и тех же теорий среди юристов нет единства. Так, если Н.Н. Вопленко и М.Н. Марченко называют нормативизмом систему норм, принимаемых и охраняемых государством [4, с. 13; 15, с. 1], то В.М. Сырых то же самое определяет как юридический позитивизм [28, т. 3, с. 16], а О.Э. Лейст — как нормативный позитивизм [9, с. 26]. В свою очередь В.С. Нерсесянц такую трактовку именуется легистской [19, с. 33]. В отличие от других учёных основоположник либертарной концепции права демонстрирует резко негативное отношение к юридическому позитивизму, характеризуя его «нормативным выражением авторитаризма» [19, с. 34].

Нет согласия среди юристов и относительно типологии правопонимания. Это понятие многие авторы считают интуитивно ясным, не утруждая себя объяснениями его смысла и содержания. Кроме того, часто правопонимание понимается как нечто, отличное от теорий права. Поэтому если в отношении количества концепций, существующих в праве среди юристов, сложился относительный консенсус, то этого нельзя сказать по отношению типов правопонимания. Так, В.С. Нерсесянц выделяет два типа правопонимания [19, с. 28], В.И. Червонюк — три [31, с. 222], В.П. Реутов тоже три [24, с. 7], О.В. Мартышин — четыре [14, с. 13–21], Н.И. Матузов и А.В. Малько — шесть [18, с. 160–168]. И этот ряд можно продолжить. Стало быть, в области правопонимания у учёных-юристов существует не просто плюрализм, а полная неопределённость, называемая в простонародье чехардой. В этой ситуации ожидать эффектив-

ного функционирования действующего в стране права, по крайней мере, наивно. Как справедливо отмечает В.П. Реутов, проблема здесь заключается в том, что разные авторы для выделения типов правопонимания берут разные основания: философские воззрения, идеологические предпочтения и т.д. [24, с. 19].

В научно-юридической литературе существуют различные оценки сложившейся ситуации в области теории права. Одни, ставя под сомнение преимущества плюрализма в правопонимании, полагают, что право — многофакторное явление, требующее интеграции разных концепций права [20, с. 61–72; 21, с. 7–8; 24, с. 9]. Другие отрицают возможность интеграции разных теорий, опирающихся на разные основания, справедливо считая такой эклектический подход контрпродуктивным [32, с. 14–16]. С точки зрения третьих, существование разных типов правопонимания, опирающихся на различные философские теории, не только возможно, но и единственно верно [8, с. 211; 9, с. 4–15; 10, с. 10]. Рельефно эта позиция выражена в работах В.П. Реутова, по мнению которого, «правовая наука не может существовать в рамках монотеории, она нуждается в плюрализме научных взглядов. Что же касается юридической практики и, в частности, проблем правоприменения, продолжает В.П. Реутов, то современный нормативизм является единственным подходом, который на сегодняшний день способен обеспечить действенную и реальную защиту законных прав и интересов субъектов права» [24, с. 9]. Конечно, дискуссии, споры являются важным условием и фактором развития науки. Науке противопоставлен догматизм, но не в меньшей мере противопоставлен и релятивизм. Если теоретические разногласия и полемика относительно базовых понятий и проблем права продолжаются сотни лет, то это вовсе не свидетельствует о творческом развитии права, скорее, наоборот. Авторы, отстаивающие плюрализм мнений в теории и монистический подход в практике, как это следует из вышеприведённой цитаты, фактически отрицают всякую связь между правовой наукой и правоприменением. Получается, что теория и практика существуют независимо друг от друга. По мнению В.П. Реутова, этот разрыв между правовой теорией и практикой может быть преодолен в далёкой перспективе [24, с. 10]. Но если юридическая наука никак не связана с правотворчеством и правоприменением, не способствует более эффективной регуляции общественных отношений, спрашивается, то для чего существует такая наука? Является ли в таком случае наукой то, чем

занимаются учёные-юристы? Такая острая постановка вопроса определяется тем, что любое «научное познание необходимо для того, чтобы регулировать человеческую деятельность» [26, с. 105]. По авторитетному мнению академика В.С. Степина, главная особенность науки — её нацеленность на изучение объектов, которые актуально или потенциально включены в деятельность человека, т.е. в практику [26, с. 108]. Если этого нет, то многочисленные публикации и вековые дискуссии учёных-юристов имеют меньшую ценность, чем тысячелетний спор средневековых схоластов относительно понимания сущности творца. Во всяком случае, споры схоластов способствовали развитию логики, чего нельзя сказать по поводу дискуссий учёных-юристов.

Как представляется, теория права — это исключительно прикладная наука и как таковая она по определению не может быть безразлична к существующей социальной реальности. Далекое не случайно В.М. Сырых включает социально-политическую и правовую практику в объект правовой науки [27, с. 38–39]. На наш взгляд, смысл существования и развития науки о праве — разработка теоретических и методологических оснований для более совершенного правотворчества и более эффективного правопонимания. В конечном счёте цель и задача правовой науки — обеспечить стабильное функционирование и развитие общества. Обстоятельное обоснование решающего воздействия правовой науки на многие стороны общественной жизни и государства дал В.М. Сырых, что избавляет автора этих строк от необходимости более подробно останавливаться на этом вопросе [27, с. 17–18].

Теоретическая неразбериха в понимании базовых правовых понятий и проблем обусловлена существованием в юридической науке неопределённости в понимании онтологических оснований права. В последнее время среди юристов — как теоретиков, так и практиков — всё большее распространение получает интегральная теория правопонимания. Но, как справедливо отмечают учёные, эта теория «наталкивается на одно труднопреодолимое препятствие — неясность с выбором основания, позволяющего рассматривать право как единое органическое целостное образование, систему» [29, с. 3]. Фактически речь идёт о необходимости выявления общих онтологических оснований права, что позволило бы сформулировать единую (интегративную) теорию правопонимания. Без разрешения этой проблемы искомая интегральная концепция представляла бы искус-

ственную эклектическую конструкцию с ничтожной эвристической ценностью.

Дискурс онтологических оснований правопонимания хотелось бы предварить некоторыми соображениями относительно разногласий по поводу соотношения права и правопонимания. Как уже отмечалось, многие исследователи отрывают правовую теорию от правопонимания. Такой подход представляется спорным и вот почему. Любая научная теория включает в себя (и одновременно опирается на) научную идею — исходную мысль, центральное положение концепции, объединяющую входящие в неё понятия, суждения, умозаключения, принципы в некоторую целостность. Научная идея не только интегрирующий фактор теории, но и лапидарное выражение её сущности. Поэтому можно согласиться с В.С. Нерсесянцем в том, что «понятие (идея. — Л.М.) права — это сжатая юридическая теория», а «юридическая теория — это развёрнутое понятие права» [19, с. 27]. Поскольку научная идея — это свёрнутая теория, она выражает не только её сущность, но и определяет её границы. В основе разных теорий права лежат разные идеи, маркирующие их границы. В качестве примера можно привести либертарную и легистскую концепции права, которые, на наш взгляд, опираются на разные научные идеи. Научная идея может выражать также весьма общие фундаментальные закономерности, и в этом случае она связывает ряд концепций в некую общую теорию или ряд дисциплин в отрасль науки. Скажем, такую функцию в философском наследии Гегеля играет идея развития, Маркса — идея человека и его свободы. В этом широком контексте идея права выражает сущность юридической науки в целом как полное систематизированное знание о праве и государстве [19, с. 28]. Научная идея, лежащая в основе научной теории, превращает последнюю в правопонимание. В этом аспекте научная идея выражает смысл правовой теории, определяет её цели и задачи, предназначение и функции права и государства, их социальную ценность и особенность среди других институтов регуляции. Право по своей природе — это эмпирическая и прикладная наука. Научную идею, превращающую правовую теорию в правопонимание, учёные-правоведы формулируют, опираясь на философию. В определённом смысле можно сказать, что она заимствуется из философии. Поэтому нельзя не согласиться с точкой зрения учёных (В.С. Нерсесянц, В.П. Реутов и др.), которые увязывают типы правопонимания с определёнными философскими воззрениями. В самом деле, нельзя не видеть, что истоки легистского правопонимания уходят в

глубь веков, в философию древнекитайских мыслителей Шан Яна (IV в. до н.э.), Хан Фэй-цзы (III в. до н.э.). Они были убеждены в злой природе человека и поэтому считали невозможным управление государством на основе конфуцианского принципа человеколюбия. Очевидно, что естественная и либертарная теории права опираются на иную философию и, что особенно важно, на другие философские воззрения о человеке. Исходя из признания связи между типами правопонимания и философскими учениями, В.П. Реутов логично приходит к выводу о сложности создания единой интегративной концепции права, поскольку необходимым условием для этого является признаваемая всеми философская теория или научный метод [24, с. 8].

Ниже будет предпринята попытка исследовать онтологические основания права, что, как представляется, является условием разрешения многих других дискуссионных проблем и, прежде всего, разработки единой или интегративной теории права. Не претендуя на бесспорность своей точки зрения, полагаем необходимым отметить следующее. Если присмотреться к обществу, в котором мы живём, можно обнаружить, что в нём нет ничего, что не было бы результатом реализации определённых человеческих сущностных сил [16]. Это касается всех феноменов общественной жизни, в том числе таких важных институтов человеческой цивилизации, как государство и право. Разные концепции правопонимания отличаются друг от друга разным подходом в объяснении содержания правовых отношений и в этом контексте разным пониманием источника права. Источник права рассматривается в данном случае не в юридическом, а в философском смысле — как основа, носитель, причина возникновения феномена [22, с. 91–101]. Право же, согласно учёным, выступает как форма, обусловленная определённым содержанием [29, с. 26]. Понятно, что последнее у правоведов, придерживающихся разных мировоззренческих позиций, будет разным. У одних (В.М. Сырых, Л.С. Явич и другие), руководствующихся материалистической идеологией, в качестве содержания права выступают экономические отношения; у других (Л.И. Петражицкий, С. Тард, З. Фрейд), с противоположным мировоззрением, — феномены человеческой психики, сознание; у третьих (Р. Паунд, Д. Фрэнк, К. Ллевелин), опирающихся на философию прагматизма, — судебные решения и действия правительства. Можно ли обнаружить нечто общее в разных теориях права? Различное содержание, обуславливающее правовую форму, оказывается в конечном счёте результатом реализации

сущностных сил человека. И даже теологическая концепция, усматривающая в качестве источника права предписания творца, не выходит за рамки указанного подхода, независимо от того, даётся ли богословская трактовка Бога как носителя всех (человеческих) совершенств (Р. Луллий), или материалистическая — как отчуждённое бытие родовой сущности человека (Л. Фейербах, К. Маркс).

Анализируя точку зрения одного из отечественных правоведов, который выводил право из экономических отношений, С.С. Алексеев резонно замечает, что «спонтанно рождаемое право во всех случаях приобретает значение юридического феномена только тогда, когда освящено государственной властью, санкционировано ей, так или иначе выражено в письменных актах — нормативного или индивидуального характера» [1, с. 43]. Оставляя в стороне сложную проблему происхождения права, отметим, что, после того как спонтанно возникающее право санкционируется и освящается государством, оно приобретает юридическое значение [1, с. 43]. Это приводит к изменению статуса и сущности права. Приняв нормативное выражение, право выходит за рамки индивидуальных решений конкретных дел. Теперь оно выступает как всеобщая воля и всеобщий регулятор общественных отношений. И в этой своей роли право оказывается юридическим выражением универсальной родовой сущности человека, ибо регулируемые правом общественные отношения являются результатом реализации различных человеческих сущностных сил. И чем более развита человеческая сущность, тем более разносторонней оказывается человеческая деятельность, тем более развитым должно быть право, регулирующее эту деятельность.

Право лишь формально представляет всеобщую волю общества. В действительности это воля господствующего класса, возведённая в закон [13, с. 443]. В этом своём качестве право есть юридическое выражение отчуждённого бытия универсальной родовой сущности человека. Исторический процесс есть выражение развития отчуждённой родовой и индивидуальной сущности человека [17]. Отчуждённое бытие родовой и индивидуальной сущности человека, на наш взгляд, является онтологическим (антропологическим) основанием правового нигилизма как в национальном, так и международном праве.

Право, как отмечалось, является формой, обусловленной содержанием. Содержание определяет форму, но форма, как известно, не безразлична к содержанию. Она может сдерживать развитие содержания и, наоборот, давать простор его раз-

витию. Поскольку содержание права (независимо от его трактовки) есть результат реализации сущностных сил человека, то можно сказать, что критерием эффективности права и проводимых в этой сфере реформ является развитие человека и человеческого общества (индивидуальной и родовой человеческой сущности). Право, дающее простор для самореализации способностей человека и удовлетворения его растущих потребностей, оказывается формой бытия свободы, «библией свободы» (Маркс). Как нормативная форма бытия свободы человека право само по себе представляет важную социальную ценность. Поэтому такое право порождает законоодобряющее и законопослушное правовое сознание. Право в своём проявлении имеет пассивный и активный характер. Как форма бытия свободы право носит пассивный («спящий») характер. Свою активность оно проявляет тогда, когда возникают факторы, ограничивающие (или препятствующие) воспроизводство и развитие индивидуальной и родовой сущности человека. Когда это происходит? Во-первых, когда индивиды нарушают нормы права. В этом случае право в форме общеобязательного закона получает практическое воплощение через деятельность правоприменительных органов, блокируя превращение гарантированной свободы во вседозволенность. Оберегая общество от саморазрушения, право создаёт и сохраняет относительно устойчивую систему отношений, в рамках которой происходит производство и воспроизводство общества (человеческого рода) как целостной системы. В этой своей роли право представляет инструментальную ценность. Во-вторых, право даёт знать о своём существовании, когда начинает сдерживать, тормозить развитие сущностных сил человека. Это проявляется в возникшем несоответствии между действующим правом (формой) и существующими общественными отношениями (содержанием). В таких условиях резко снижается эффективность регулятивной, интегративной, воспитательной и других функций права. Право, ограничивающее развитие сущностных сил человека, теряет в его глазах свою ценность. Низкий статус права порождает в обществе по большей части закононарушающее правосознание, которое получает своё практическое выражение в правовом нигилизме.

Право, как отмечалось, является формой, обусловленной содержанием. Форма в философии понимается не только как способ выражения содержания, но и как структура — относительно устойчивая связь между элементами. Если элементами общества являются социальные индивиды и груп-

пы, то «связующим общество “клеем”, строго равномерно распределённым между составляющими общество индивидами, — Право» [25]. В современных демократических государствах право имеет характер общеобязательного закона и признаёт равенство всех перед законом. Очевидно, что онтологическим основанием указанных принципов является единство родовой сущности людей. Оно определяет однородность и изотропность правового пространства в социально неоднородном обществе. Конечно, право само по себе не устраняет неоднородность социального пространства. Но общеобязательный характер права, формальное равенство всех перед законом, постоянно поддерживаемая однородность и изотропность пространства блокируют возникновение в обществе опасных напряжённостей и центробежных тенденций. Словом, право, юридически уравнивая разных по своему социальному статусу и роли в общественной жизни людей, объединяет их в социально-политическую целостность, в рамках которой оказывается единственно возможным воспроизводство и развитие родовой жизни цивилизованного человека. Таким образом, эффективно функционирующее право центрировано на человека, оно является условием и фактом развития родовой и индивидуальной человеческой сущности. В свою очередь человек есть субъект, объект, а в конечном счёте основа и причина существования права. Другими словами, человек, его социальная сущность есть субстанция права. Исторический процесс, сопровождаемый развитием родовой и индивидуальной сущности человека, способствует постепенному преодолению отчуждения между ними, что приводит к гуманизации права. Это означает также то, что универсальные идеи, принципы естественного права обретают реально осязаемую плоть позитивного права. Признание человека высшей ценностью в качестве базовой нормы конституционного права является конкретным примером такого воплощения.

Итак, различные концепции права имеют общее онтологическое основание, на базе которого и возможна разработка интегративной теории права. Она фактически станет новой единой теорией правопонимания, опирающейся на идею человекоразмерности права. Мировоззренческим основанием такого правопонимания является современный антропоцентризм, признающий человека высшей ценностью.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 565 с.

2. *Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства — путь к консолидации общества // *Философские науки.* 2014. № 6. С. 8–22.
3. *Бжезинский З.* Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015. 288 с.
4. *Вопленко Н.Н.* Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
5. *Зарубина Н.Н.* Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // *Социологические исследования.* 2014. № 1. С. 10–18.
6. *Иконников Г.И., Лященко В.П.* Философия права. М.: Гардарики, 2007. 303 с.
7. *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И. Соч.:* в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. С. 107–438.
8. *Лазарев В.В.* Поиск права // *Журнал российского права.* 2004. № 7. С. 3–14.
9. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.
10. *Лукашева Е.А.* К вопросу о правопонимании: основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // *Государство и право.* 2003. № 5. С. 5–33.
11. *Львов Д.С.* Россия: рамки реальности и контуры будущего // *Журнал экономической теории.* 2007. № 1. С. 6–20.
12. *Малько А.В.* Каким быть законам XXI века?: По материалам науч.-теорет. конф., посв. 75-летию ИЗиСП // *Журнал российского права.* 2001. № 3. С. 16–49.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Соч.* Т. 4. С. 419–459.
14. *Мартышин О.В.* Совместимы ли основные типы понимания права // *Государство и право.* 2003. № 6. С. 13–21.
15. *Марченко М.Н.* Источники права. М.: ТК Велби: Проспект, 2005. 760 с.
16. *Мусаелян Л.А.* Научная теория исторического процесса: становление и сущность / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2015. 421 с.
17. *Мусаелян Л.А.* Становление концепции исторического процесса и проблема отчуждения родовой сущности человека // *Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. трудов.* Пермь, 2002. Вып. 11. С. 60–81.
18. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М.: Юристъ, 2005. 400 с.
19. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: Норма: Инфра-М, 2000. 552 с.
20. *Палеха Р.Р.* Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // *Вестник Воронежского государственного университета.* 2010. № 1(8). С. 61–72.

21. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правовопонимания // История государства и права. 2003. № 6. С. 7–8.
22. Поляков А.В. Источник права и нормативность: соотношение понятий // Источники права: проблемы теории и практики. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. С. 91–101.
23. Примаков Е. 2013: тяжёлые проблемы России // Российская газета. 2014. 15 янв. URL: <http://rg.ru/2014/01/13/primakov.html> (дата обращения: 23.12.2015).
24. Реутов В.П. Исследования по общей теории права: сб. науч. трудов / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2015. 270 с.
25. Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмидт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 167–175. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1003 (дата обращения: 23.12.2015).
26. Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
27. Сырых В.М. История и методология юридической науки. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 464 с.
28. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 3 т. М.: Юрисциформ, 2000, 2007. Т. 1, 3. 528 с., 512 с.
29. Сырых В.М. Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 552 с.
30. Тарлавский В. Богач, бедняк. URL: <http://www.eg-online.ru/article/275745/> (дата обращения: 23.12.2015).
31. Червонюк В.И. Теория государства и права. М. Инфра-М, 2009. 704 с.
32. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004. 260 с.
- day life]. *SocIs* [Sociological studies]. 2014, no 1, pp. 10–18. (In Russian).
6. Ikonnikov G.I., Ljaschenko V.P. *Filosofija prava* [Philosophy of law]. Moscow: Gardariki Publ., 2007, 303 p. (In Russian).
7. Kant I. [Metaphysics of morals]. *Soch.: v 6 t.*, [Works: in 6 vol.]. Moscow: Mysl' Publ, 1965, vol. 4., pp. 107–438. (In Russian).
8. Lazarev V.V. [Searching of law]. *Zhurnal Rossijskogo prava* [Russian law journal]. 2004, no 7, pp. 3–14. (In Russian).
9. Lejst O.Je. *Sushhnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [Essence of law. Problems of theory and philosophy of law]. Moscow: IKD «Zercalo-M» Publ., 2002, 288 p. (In Russian).
10. Lukasheva E.A. [Revisiting understanding of law: main concepts of law and state in modern Russia (based on proceedings of round table in Centre of theory and history of law and state of State and Law Institute of Russian Academy of Sciences)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2003, no 5, pp. 5–33. (In Russian).
11. L'vov D.S. [Russia: frames of reality and lineaments of the future]. *Zhurnal jekonomicheskoi teorii* [Journal of economic theory]. 2007, no 1, pp. 76–95. (In Russian).
12. Mal'ko A.V. [What laws to be like in XXIst century: based on proceedings of scientific and research conference devoted to 75-year anniversary of Institute of Legislation and Comparative Law]. *Zhurnal Rossijskogo prava* [Journal of Russian law]. 2001, no 3, pp. 16–49. (In Russian).
13. Marx K., Engels F. [Manifest of communist party]. *Soch.* [Works]. vol. 4, pp. 419–459. (In Russian).
14. Martyshin O.V. [Are the main types of law understanding compliant?]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2003, no 6, pp. 13–21. (In Russian).
15. Marchenko M.N. *Istochniki prava* [Sources of law]. Moscow: TK Velbi Publ.; Prospekt Publ., 2005, 760 p. (In Russian).
16. Musayelyan L.A. *Nauchnaja teorija istoricheskogo processa: stanovlenie i sushhnost'* [Scientific theory of historical process: establishment and essence]. Perm, Perm State University Publ., 2015, 421 p. (In Russian).
17. Musayelyan L.A. [Establishment of concept of historical process and problem of clan essence of a human estrangement]. *Novye idei v filosofii: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [New ideas in philosophy: interacademic collection of scientific papers]. Perm, 2002, iss. 11, pp. 60–81. (In Russian).
18. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Teorija gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Yurist Publ., 2005, 400 p. (In Russian).
19. Nersesyants V.S. *Obshhaja teorija prava i gosudarstva* [General theory of state and law]. Moscow:

Получено 24.01.2016

References

1. Alekseev S.S. *Obshhaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: TK Velbi Publ.; Prospekt Publ., 2008. 565 p. (In Russian).
2. Belyaeva L.A. [Negotiation of social space tensions as a way towards society consolidation]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2014, no 6, pp. 8–22. (In Russian).
3. Bzhezinskij Z. *Strategicheskij vzglyad. Amerika i global'nyj krizis* [Strategic view. America and global crisis]. Moscow: AST Publ., 2015, 288 p. (In Russian).
4. Voplenko N.N. *Ocherki obshhej teorii prava* [Sketchs of general theory of law]. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2009, 898 p. (In Russian).
5. Zarubina N.N. [Mutual respect in Russians' every-

- Norma Publ., Infra-M Publ., 2000, 552 p. (In Russian).
20. Paleha R.R. [Integrative concept of understanding of law as methodological paradigm of law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Voronezh State University Herald]. 2010, no 1(8), pp. 61–72. (In Russian).
 21. Polyakov A.V. [Searching Integral type of understanding of law]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law]. 2003, no 6, pp. 7–8. (In Russian).
 22. Polyakov A.V. [Source of law and normalization: correlation of notions]. *Istochniki prava: problemy teorii i praktiki* [Sources of law: problems of theory and practice]. Moscow, 2008, pp. 91–101. (In Russian).
 23. Primakov E. [2013: difficult problems of Russia]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian gazette]. 15 Jan, 2014. Available at: <http://rg.ru/2014/01/13/primakov.html> (accessed: 23.12.2015). (In Russian).
 24. Reutov V.P. *Issledovaniya po obshhej teorii prava: sb. nauch. trudov* [Researches on general theory of law: collection of scientific papers]. Perm, 2015, 270 p. (In Russian).
 25. Senderov V.A. [Totalitarian thinking in Russia and Karl Schmidt]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2014, no 8, pp. 167–175. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1003 (accessed: 23.12.2015). (In Russian).
 26. Styopin V.S. *Filosofiya nauki. Obshhie problemy* [Philosophy of science. General problems]. Moscow, Gardariki Publ., 2006, 384 p. (In Russian).
 27. Syryh V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and methodology of juridical science]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2012, 464 p. (In Russian).
 28. Syryh V.M. *Logicheskie osnovaniya obshhej teorii prava. V 3 t.* [Logical foundations of general theory of law. In 3 vol.]. Moscow, Juriscinform Publ., 2000, 2007, vol. 1, 3, 528 p., 512 p. (In Russian).
 29. Syryh V.M. *Materialisticheskaya filosofiya chastnogo prava* [Materialistic philosophy of private law]. Moscow, Yurlitin-form Publ., 2014, 552 p. (In Russian).
 30. Tarlavskiy V. *Bogach, bednyak* [The poor, the rich]. Available at: <http://www.eg-online.ru/article/275745/> (accessed: 23.12.2015). (In Russian).
 31. Chervonyuk V.I. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Infra-M Publ., 2009, 704 p. (In Russian).
 32. Shafirov V.M. *Estestvenno-pozitivnoe pravo. Vvedenie v teoriju* [Natural-positive law. Introduction into theory]. Krasnoyarsk, 2004, 260 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 24.01.2016

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru

About the author

Musayelyan Lyeva Askanazovich

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мусаелян Л.А. Об онтологических основаниях права: философский анализ проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 13–22.

Please cite this article in English as:

Musayelyan L.A. On ontological foundations of law: philosophical analysis of the problem// Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 13–22.